

Употребление форм глагола при определенном и неопределенном объекте в мордовских языках — тема статьи Т. М. Тихоновой. Данная проблема, хотя и неоднократно служила предметом исследования, по-прежнему содержит ряд невыясненных вопросов. К ним, в частности, относится применение глагольных форм в зависимости от определенности и неопределенности имени в роли прямого объекта. При определении случаев употребления объектных форм глагола автор устанавливает несколько дополнительных, ранее не отмеченных семантических типов. Таковы, например, случаи употребления объектных форм для выражения анафорической определенности имени, наличие объектного спряжения, если объект, обозначенный именем, выступает с показателем действительной определенности и т. д. При употреблении форм безобъектного спряжения Т. М. Тихонова выделяет случаи, когда эта форма глагола встречается при объекте, выраженном именем, имеющим перед собой количественное числительное; при объекте, обозначенном именем с отрицанием, или с прилагательным, причастием или придаточным предложением в качестве определения. Автор приходит к выводу, что в мордовских языках формы употребления глаголов объектного и безобъектного спряжений обнаруживают общие черты с другими языками, прежде всего — с угорскими (венгерским, мансийским и хантыйским).

Р. С. Ширманкина посвятила статью морфолого-синтаксической характеристике мордовских фразеологических единиц

(ФЕ). Установив, что фразеологическую систему в мокшанском и эрзянском языках составляют именные, глагольные и наречные ФЕ, автор выделяет в ней две группы ФЕ — фразеологизмы, способные изменяться при включении в речь, и ФЕ фиксированной формы. Первая группа обычно соотносится с существительным, прилагательным или глаголом. Вторая, соотносясь с наречием, морфологически неизменяема. Р. С. Ширманкина подробно рассматривает и формы употребления ФЕ, их лексико-семантическое значение и способы грамматического оформления. Одной из особенностей мордовских ФЕ, по ее мнению, является их способность образовывать взаимосвязанные пары и инварианты, такие как *мелем мольсь* 'мне надоело' и *мольстемс мель* 'надоест кому-либо'.

Завершает первый выпуск «Финно-угристики» рецензия А. В. Алешкина на книгу А. П. Феоктистова «Очерки по истории формирования мордовских письменнo-литературных языков. Ранний период» (Москва 1976).

К выпуску приложен список дипломных работ по лингвистике, защищенных студентами национального отделения филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Материалы сборника показывают, что в Мордовской АССР уже сложились прочные теоретические и историко-лингвистические традиции.

Р. А. АЛЕШКИНА (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.4.13>

В. А. Сорвачева, Нижневыхогдский диалект коми языка, Москва, «Наука», 1978. 227 с.

Рецензируемая книга представляет собой посмертное издание известного коми диалектолога Валентины Александровны Сорвачевой (1923—1977).¹ В ней дается описание фонетических, морфологических и лексических особенностей одного из древнейших диалектов коми языка в его современном состоянии. Монография вклю-

чает традиционные разделы — фонетику, морфологию, лексику и диалектные тексты.

Первый раздел «История заселения нижней Вычегды» написан А. И. Туркиным. Автор на основе данных смежных наук: археологии, истории и особенно топонимики, делает вывод, что в формировании населения нижней Вычегды, кроме коми и русских, приняли участие другие народы и это отразилось на грамматике и лексике описываемого диалекта.

¹ Автор скончалась во время подготовки книги к печати, потому в ней остались некоторые недочеты.

Анализируется формирование фамилий из прозвищ и личных имен (приведено свыше 1200 фамилий), среди которых встречаются и топонимического происхождения — *Вишератин, Волгин, Ижметин, Сысолин, Удоратин*, точно указывающие, откуда пришли на нижнюю Вычегду их носители.

В главе «Фонетика» очень кратко описывается состав гласных и согласных фонем, аналогичный фонемному составу коми литературного языка.

По употреблению *и* и *э* в первом слого слова нижневыхегодский диалект делится на говоры трех типов: 1) жешартско-гамский, в котором употребление *и* и *э* связано с качеством предшествующего им согласного или гласного (*водзин* 'вперед', *биис'* 'из огня'); 2) палевицко-пожегодский и часовский, где *и* и *э* употребляются после палатальных согласных (*с'из'им* 'семь'), переднерядных гласных (*мээн* 'мною'), в словах, имеющих в составе корневой морфемы переднерядные гласные (*вини* 'убить'), в существительных и прилагательных на *-эй, -нэй* (*помэй* 'помон', *зёлтнэй* 'золотой'); 3) коввицкий, в котором *и* и *э* употребляются независимо от гласного корня и качества соседних звуков.

Временами краткость автора приводит к скороговорке. Например, на с. 18 говорится, что «гласные *о* и *у* встречаются в первом слого в ограниченном кругу слов»: *вурун* 'шерсть', *рузум* 'тряпка', *короб* 'труха (сенная)', *морос* 'грудь' и т. д., но не указывается, почему именно в этих словах в первом слого стоят *у* и *о*: из-за ассимиляции или же эти слова заимствованы из других языков.

В монографии не получило отражение следующее явление диалекта: перед глухим зубным *т* в заимствованных словах появляется протетический согласный: *струба* (лит. *труба*) 'колодець', *столич* (лит. *толич*) 'вид пырея', *стундра* (лит. *тундра*) 'тундра', *стын* (лит. *тын*) 'деревянная изгородь из частокола'.

В главе «Морфология» автор останавливается на отдельных вопросах словоизменения и словообразования частей речи, приводятся таблицы склонения существительных, местоимений, спряжения глаголов. Здесь выделен ряд архаических явлений коми языка, представляющих большой интерес для историков языка.

Значения падежей в основном совпадают со значениями падежей других диалектов, но в семантике и употреблении их имеются особенности. В отдалительном падеже зафиксировано окончание *ыс'ан'* вместо *с'ан'* со значением времени и места: *рытыс'ан'* 'с вечера'. Любопытно привести аналогичную удмуртскую форму *-ысен*: *коркаысен* 'от дому'. В творительном падеже приведено значение не только орудия действия, но и времени: *Аскиломыс' асыводзэн мунас* 'Послезавтра утром поедет'. В местном падеже отмечены профессии, должности, положения, состояния: *Сийа вэк на дбвэчин олб* 'Он все еще вдовцом живет'.

Говоря об имени прилагательном, автор приводит частицы *мэд, мэд'ча, мэд'чэн*, образующие превосходную степень, но не указывает, в каких случаях употребляется та или иная частица, какова частота их употребления.

В некоторых говорах (коввицкий и палевицко-пожегодский) в склонении усиительно-личных местоимений в форме винительного падежа появляется окончание *-б*: *ас'нымб* 'нас самих', *ас'ныдб* 'вас самих'. Данное окончание встречается лишь в винительном падеже личных местоимений: *мэнб* 'меня', *тэнб* 'тебя'.

Как известно, инфинитив в коми языке образуется при помощи *-ны* и *-ыны*. В нижневыхегодском диалекте имеются фонетические варианты *-нб* и *-нэ*: *мынтбднб* 'освободить', *солавнэ* 'посолить'. Кроме того, инфинитив имеет форму множественного числа: *пожйас'ныйас* 'полоскасть'. Иногда инфинитив оформляется притяжательными суффиксами, которые являются носителями определенно-выделительного значения: *Пуктыс'ыштныйастэ отсыштэ* '(Он) помогает при посадке картофеля'.

Наречие времени в диалекте выступает в форме существительного, без оформления суффиксом: *рыт* 'вечер, вечером' (лит. *рытын*). Аналогичное явление наблюдается в других финно-угорских языках, например, венг. *este* 'вечер, вечером'.

Большую часть монографии занимает «Словарь», который содержит около 4000 специфических слов и выражений нижневыхегодского диалекта. Многие из них впервые вводятся в научный оборот. К сожалению, не все слова паспортнзиро-

ваны, что затрудняет выяснение их распространения. Например, *кый* 'пиявка (водяной червь)' не снабжено пометой. Это слово не имеет широкого распространения, оно известно только в дер. Кырс.

Отмечены далеко не все значения у целого ряда слов: *бурул'л'у* означает не только 'василек', но и 'купальница'; *кõзла* 'коля, воткнутые наперекрест с перекладиной (для сушки снопов)', но и 'козлы для распиловки дров'; *л'апан* 'головастик', но и 'подлец, подлещик (рыба)'; *л'энт'и* 'линь (рыба из семейства карповых)', но и 'мелкий карась'; *пл'эшка* 'плешь, плешина, открытое место', но и 'песчаный островок на реке'.

В словаре встречаются неточно записанные слова, часть из них, вероятно, связана с опечатками: *боб*: *зырым* ~ вместо *бõб*: *зырым* ~ 'сопливец, сопливица'; *жмача* вместо *жмага* 'толстый червяк', *онлод* вместо *онлõд* 'курья, заводь (речной залив)'; *Рога туй* вместо *Роча туй* и *Рога пурис'* вместо *Роча пурис'*. Последние два являются топонимами и связаны с прозвищем *Роча* (дер. Шежам). *Ли-*

мандра 'имандра (сорт картофеля)' в дер. Шежам имеет форму *эмандра*. *Ослõп* 'ослоп, жердьяй, неуклюжий и рослый человек' в дер. Шежам выступает в форме *õслõпан*.

Слово *орд*, встречающееся в названиях мелких деревень, не имеет значения 'сикт', а указывает на принадлежность или отношение к кому-либо в прошлом. Об этом ясно говорят сами названия: *Он'чэ пи орд* 'принадлежащий сыну Андрея', *С'илõ орд* 'принадлежащий Силантю' и т. д.

Монографию завершают образцы текстов с переводами на русский язык.

Несмотря на указанные недостатки, рецензируемое исследование дает полное представление о нижневыхгодском диалекте коми языка. Автор, большой знаток коми диалектов, провела огромную работу по сбору и систематизации фактического материала. Книга будет полезна не только специалистам по пермским языкам, но и учителям, краеведам и студентам.

Е. А. ИГУШЕВ (Сыктывкар)

В. И. Алатырев, Именные деривационные аффиксы. Этимология некоторых слов, Ижевск 1976 (Вопросы удмуртского языкознания, вып. 4). 173 с.

Помещенные в выпуске обе работы В. И. Алатырева содержат этимологии удмуртских слов и аффиксов. Это видно и из заглавия второй работы («Этимология некоторых слов»). Что касается первой («Именные деривационные аффиксы»), то при анализе словообразовательных аффиксов удмуртского языка *-ал*, *-алтэ*, *-аш*, *-гар*, *-ло*, *-ор* и др. (всего 28 единиц с вариантами) автор дает этимологии почти всех удмуртских слов, с которыми эти аффиксы употребляются. Таким образом, работа содержит этимологические информации в несравненно большем объеме, чем это обещано в ее заглавии.

Нужно сказать, что В. И. Алатыревым учтено все существенное, что было разъяснено его многочисленными предшественниками в области этимологии и истории слов как в финно-угорских, так

и в тюркских языках (этимологические штудии Й. Буденца, Г. Якобсона, Б. Коллиндера, Х. Паасонена, Э. Н. Сетяля и других по финно-угорским, Б. Мункачи, Т. Э. Утилы, В. И. Лыткина, Б. А. Серебренникова и других по пермским, М. Рясенена, В. Г. Егорова, М. Р. Федотова и других по тюркским языкам). Это и явилось гарантией того, что предложенные этимологии установлены с соблюдением принятых в финно-угроведении классических приемов сличения слов при учете специфики финно-угорских языков с их особой исторической морфологией и фонетикой.

Продолжая начатый другими авторами анализ того или иного слова, В. И. Алатырев на основании добытых им материалов углубляет и уточняет этимологии. Так, удм. *тарканы* 'разбросать' В. И. Лыткин сопоставлял с коми